

Из коридора У Цин перешла в лестничный пролет, где ее фигура полностью растворилась в тени. Стена за спиной надежно скрыла ее от Жреца. Как только она убедилась, что он больше не видит ее, с лица мгновенно исчезло выражение искренности.

Можно ли доверять словам Жреца?

Действительно ли Король казнит его, как только Королева придет в себя?

У Цин не особо верила этому молодому человеку. Но ей нужно было использовать пустые обещания, чтобы обезвредить эту ходячую бомбу. В глазах Жреца она не видела жажды жизни. Как и говорила Третья принцесса, в глубине души он не испытывал ни малейшего почтения к Королю и уж точно не стремился спасти Королеву. Он не любил этот дворец, его взгляд всегда был устремлен куда-то далеко, за пределы Внешнего города. Он принимал награды от Короля, не испытывая ни капли благодарности.

Когда он улыбался, взгляд его оставался холодным.

Этот холод просачивался сквозь его обманчиво мягкую, словно подернутую дымкой, внешность.

Впрочем, собеседник подсказал У Цин верное направление. В этом дворце оставался еще один ключевой персонаж — Вторая принцесса, вторая дочь Короля.

Возможно, у нее можно было выведать информацию, которой больше никто не владел.

Ради того чтобы выполнить обещание, данное Жрецу, ей в любом случае нужно было встретиться со Второй принцессой.

Подумав об этом, У Цин сложила руки и беззвучно прошептала:

— Надеюсь, Вторая принцесса окажется более нормальной. Хотя бы не такой безумной, чтобы убивать всех вокруг по любому поводу.

*

Мольбы У Цин были услышаны лишь наполовину.

Безумие Второй принцессы было глубоко подавлено. По сравнению со своей старшей сестрой она казалась невероятно доброй.

Вторая принцесса стояла в комнате с прозрачными стеклянными стенами, ее растрепанные волосы падали на плечи, а босые ноги наступали на подол длинного розового платья. Она была полностью погружена в живопись, и лишь служанка подавала ей кисти и краски. В комнате не было слышно ничего, кроме шороха кисти по холсту.

Помещение было заставлено картинами, которые были гораздо выше самой принцессы. Масло на них было положено смелыми мазками, создавая мощный визуальный эффект.

Прямо перед У Цин стояло двухметровое полотно, написанное в черно-красных тонах. В центре картины была изображена закрывшая глаза и плачущая Богоматерь. Ее тело опутывали жуткие черные тернии, шипы пронзали обнаженную кожу, из ран сочилась алая кровь. Губы Богоматери утратили всякий цвет, и она казалась увядающим, умирающим цветком.

У Цин показалось, что это лицо ей знакомо.

Если бы она видела Королеву, то сразу поняла бы, откуда это чувство: лик Богоматери был точной копией лица Королевы.

Вторая принцесса не обратила на внезапный визит У Цин никакого внимания. Ее личная служанка, Цзянь, подняла голову, посмотрела на гостью и знаком велела ждать за дверью. Затем она подошла к У Цин.

Когда прозрачная стеклянная дверь закрылась, служанка внимательно осмотрела У Цин с ног до головы:

— Очередная особа, желающая воспользоваться добротой принцессы. Таких за неделю я вижу немало.

Затем служанка высокомерно вскинула подбородок:

— Говори, бедная девица, в чем тебе нужна помощь принцессы?

— Цзянь, — Вторая принцесса отложила кисть, — пусти ее.

— Ваше Высочество, почему вы позволяете всяким ничтожествам докучать вам по пустякам? — слегка склонив голову, с легким недовольством произнесла служанка.

Вторая принцесса повернулась. Ее лицо — с глазами цвета серой лазури, в которых читалась не по годам глубокая мудрость, — было исполнено того же милосердия, что и лик Богоматери на картине. Она смотрела на У Цин с такой теплотой, словно была доброй пожилой дамой, готовой сделать все возможное ради нуждающейся.

Ее взгляд был слишком милосердным — до такой степени, что это вызывало мурашки.

Если Третья принцесса смотрела на У Цин как на умирающее животное, то взгляд Второй принцессы напоминал снисходительную жалость небожителя. Внешне они были совершенно разными, но холод, скрытый под их сладкими и покорными личинами, был идентичен.

Когда принцесса повернулась, У Цин заметила краешек другой, еще не законченной картины.

На фоне темного неба, затянутого тяжелыми тучами, Богоматерь открыла глаза, глядя на юношу, прыгающего с высокой башни. В ее бесстрастном взгляде читалась едва уловимая улыбка.

Башня на картине была в точности как та, где она только что была, а юноша, летящий вниз, — точь-в-точь тот самый молодой человек.

Дыхание У Цин перехватило, она поспешно отвела взгляд. Сердце ее ушло в пятки: она поняла,

что цели своей добиться не сможет.

— Милая сестра, — Вторая принцесса улыбнулась, — чем я могу тебе помочь?

— С того самого момента, как я обрела сознание, я стремлюсь творить добро. Я надеюсь, что боги увидят мою доброту и смоют грехи, текущие в моей крови. Мое единственное желание — после смерти вознестись на небеса, — она небрежно бросила испачканную краской кисть и медленно направилась к У Цин. — Помогая несчастным, я помогаю самой себе.

Она подошла вплотную, встала на цыпочки, накрыла ладонью щеку У Цин и улыбнулась:

— Не чувствуй себя обязанной. Что бы тебе ни понадобилось, я постараюсь это исполнить.

— Ваше Высочество! — Цзянь неодобрительно перебила ее. — Несколько дней назад вы отдали какому-то грязному нищему рубин бесценной стоимости, который подарил вам Король!

Вторая принцесса подняла руку, приказывая служанке замолчать.

У Цин не ошиблась: в глазах девушки на мгновение промелькнуло отвращение — истинное чувство, пробившееся сквозь фальшь.

У Цин опустила глаза, коротко представилась и выразила искреннюю обеспокоенность за еще не повзрослевшую принцессу:

— Если удастся спасти жизнь Жрецу, можно будет спасти и Королеву, а значит, и Третью принцессу... Вы ведь так добры, я верю, что вы не откажете мне в помощи?

— О? — Вторая принцесса загадочно улыбнулась и отступила на два шага.

— Прежде чем я отвечу, может, ты оценишь мои картины? — она повернулась и подняла руку.

— Стоит отметить, я одаренный художник-документалист.

Розовый подол платья волочился по полу, белые пальцы мазнули по застывшей краске.

Наконец, кончики пальцев коснулись глаз Богоматери на картине. Она нежно погладила их, провела по щеке, и в ее глазах, скрытых от У Цин, забурилась темная, безумная тьма.

— Давным-давно дорогая мама смотрела на меня этими прекрасными глазами и безмолвно молила о смерти... Я пообещала ей, что помогу.

Вторая принцесса остановила палец у уголка глаза Богоматери, резко отдернула руку и обернулась, вновь одарив У Цин милосердной улыбкой:

— Так что, мне очень жаль, но я не могу тебе помочь.

Цзянь подняла глаза, торжествующе посмотрела на У Цин и взмахом руки выпроводила ее из стеклянного павильона.

Прозрачное стекло отделило У Цин от принцессы. У Цин молча обвела взглядом все картины в комнате, а затем снова посмотрела на Вторую принцессу.

Та продолжала улыбаться, глядя прямо в глаза У Цин.

*

Чистая душой девушка помогла злобной ядовитой змее и тем самым низверглась в бездну. Она оказалась заперта в золотой клетке, наблюдая, как умирает ее любимый юноша, и была вынуждена жить бок о бок со змеей. Она хотела умереть, но была слишком слаба, а после рождения двух дочерей у нее не осталось мужества встретить смерть...

К счастью, ее третья дочь преподнесла ей подарок, о котором она мечтала больше всего.

Девушка впервые за десять с лишним лет улыбнулась.

*

Вторая принцесса и впрямь одаренный художник-документалист, подумала У Цин.

Смерть — это желание Королевы, мольба, с которой она обратилась к своей дочери. Вторая принцесса решила исполнить это желание, даже если ради этого придется отправить сестру на смерть. Возможно, в глазах восьмилетней девочки все принцессы, в чьих жилах течет греховная кровь Короля, включая ее саму, должны умереть.

Она горячо любила свою мать, но предпочла запереться в стеклянной комнате, чтобы предаваться воспоминаниям. Она знала, что само существование ее сестер — это черные тернии, сковывающие Королеву, шипы, которые глубоко вонзились в ее плоть, не давая ни телу, ни душе вырваться на свободу.

Вторая принцесса не поможет.

У Цин отвела взгляд и пошла прочь.

Вернувшись к высокой башне, она подняла голову, глядя на острый готический шпиль. Остатки вечерней зари уже окрасили небо в зловещий кровавый цвет.

У Цин глубоко вздохнула и вошла внутрь.

Вечерний ветер трепал полы одежды Жреца. Услышав шаги, юноша обернулся, и, увидев радостное выражение на лице У Цин, невольно удивленно приподнял брови.

— Вторая принцесса согласилась! — У Цин подошла к нему, улыбаясь. — Тебя точно не казнит Король.

Юноша опустил глаза, глядя на нее с полудоверием, пытаясь найти хоть след искренности в ее словах.

У Цин смотрела на него твердо, и под его испытующим взглядом выражение ее лица не изменилось ни на йоту.

Прошло всего несколько секунд, но они показались ей бесконечно долгими, словно века.

— Хорошо, — наконец юноша отступил, — теперь твоя очередь выполнять обещание.

Услышав это, У Цин с облегчением выдохнула.

Пусть это аморально. Но что с того? Что могут понимать NPC? Перед лицом выбора между жизнью и смертью она должна выполнить задание. Все в этом мире — лишь строчки программного кода, которые не знают ни боли, ни тревог... И только.

У Цин должна была повторять это себе, иначе она бы просто сошла с ума.

*

Ближе к шести часам У Цин вместе с юношей перешла по крытому мосту к главному замку. Торопливые служанки быстро нашли его. У Цин отказалась сопровождать его на церемонию и повернула назад, к этажу, где находилась комната Третьей принцессы.

Как только она поднялась на последнюю ступеньку, ноги ее подкосились. У Цин, придерживаясь за стену, медленно опустилась на пол. В ее взгляде отразилась борьба, но вскоре она, словно окончательно убедив себя в чем-то, успокоилась.

По крайней мере, половина дела сделана.

Затем она поднялась и подошла к двери комнаты Третьей принцессы.

Она толкнула дверь, но внутри было пусто. Колыбель, в которой должен был лежать младенец, исчезла.

Сердце У Цин пропустило удар, в душе зародилось дурное предчувствие.

<http://bllate.org/book/21798/2255471>